

За одного БИТОГО...

*Текст
Ольга Троицкая,
психолог,
семейный
психотерапевт*

Слова «насилие в семье» звучат очень серьезно, грозно – и большая часть читателей этой статьи с облегчением подумают: «это не о нас, это о каких-то страшных людях, которые бьют и насилуют жен и детей, про них и слова-то хорошего никто не скажет!»

Действительно, есть выраженные, караемые законом формы семейного насилия: избивание членов семьи с нанесением тяжких телесных повреждений, сексуальное домогательство по отношению к собственным несовершеннолетним детям и т.д. Но, говоря о насилии в семье, хотелось бы остановиться не на таких очевидных и всеми признаваемых асоциальными формах семейного взаимодействия, а на менее заметных, «простых» и даже привычных, а иногда и одобряемых.

Да как же их не бить?

Как часто на улице или в магазине крепкая сильная молодая мама тащит за руку, почти выдергивая ее из плеча, малыша лет 3–4, а то и младше, и с высоты своего роста во весь голос поливает его бранью... Ее главный аргумент: «Он меня достал, он делает это назло мне!» Окружающие стыдливо отводят глаза: с одной стороны, тяжело на это смотреть, с другой – не покидает чувство, что и сами не без греха. Двойственность нашего отношения к психологическому и физическому насилию над детьми в семье выплеснулась на страницы и экраны СМИ при появлении проекта закона о защите детей. Зазвучал не одинокий голос, а целый хор: «Если детей нельзя бить, давить, грубо принуждать, то мы перед ними бессильны, мы с ними не справимся, мы не знаем, как управлять их поведением без насилия».

Психологическое или физическое насилие над детьми – в первую очередь проблема бессилия взрослых. Дети очень чувствительны к интонации, с которой взрослый отдает распоряжения, это заложено в ребенке природой. Если взрослый внутренне ощущает себя взрослым и уверенным человеком, знает, чего он на самом деле хочет от ребенка и отвечает за результат, и все это звучит в его голосе – ребенок любого возраста, даже ворча, подчиняется.

Когда взрослый внутренне не уверен и сам не до конца понимает, что должен делать ребенок и для чего, – в ребенке поднимается тревога. Она выражается в слезах, криках, сопротивлении, так как ребенок, не понимая до конца, что происходит и что на самом деле нужно взрослому, воспринимает происходящее как бессмысленное насилие над собой.

Взгляд снизу

Вот, например, та самая молодая мама. Идя по своим делам, она, не раздумывая, взяла с собой ребенка. Делая необходимые ей дела, переступила границу его физических возможностей, ведь приноравливаясь к широкому шагу родителя в толпе людей и духоте магазинов маленький ребенок может очень ограниченное время (в идеальном случае от 30 минут до 1 часа, учитывая и транспорт). Ребенок пытается затормозить, он истощен, его капризы и слезы – сигнал перегрузки (дети не всегда демонстрируют перегрузку слабостью и замедленностью, а часто, напротив, перевозбуждением – так устроена их разви-

вающаяся нервная система) А очень большой и сильный по сравнению с ним человек беспощадно тянет и страшно кричит сверху.

Поставьте себя на место ребенка. Это уже канал выживания: надо бороться за жизнь, смысл слов ускользает, не до него – надо вырваться, убежать, спастись, а бежать от мамы страшно, ведь ты целиком от нее зависишь, вдруг бросит?

Что поселится в душе малыша после таких эпизодов? Усвоит ли он, что надо делать то, что велят сильные, не думая о себе, или надо сопротивляться до конца всем и всему, может, отстанут, испугаются? Мы не знаем. Зависит от того, как вообще ведет себя мама с сыном, одобряет ли семья такой способ «воспитания» детей. Не знаем. Но точно знаем, что ребенок получает сейчас психологическую травму. В ситуациях любого давления (учитель, начальник, жена) он будет чувствовать себя одиноким, незащищенным человеком, который может надеяться только на себя или на милость сильного: вдруг передумает, вдруг полюбит и перестанет обижать.

Цепная реакция

Зависимость от старшего, начальника (бьющего сверстника, а затем избивающего мужа, издевающихся соседей или сослуживцев) часто закладывается в таких привычках, семейных эпизодах.

Часто срываясь на удары и крики по слабым и незащищенным (нашим детям) мы оправдываем себя собственной слабостью и отсутствием воли: «Не могу

(ла) сдержаться, не могу терпеть, когда она (он): не садится на горшок (1 год), вертится и не ест (3 года), пачкается (5 лет), не садится за уроки (8 лет), не приходит вовремя (13 лет), выбирает не того партнёра или друзей (15 лет)».

Ребёнок должен сделать вывод: роль родителей нам не по плечу, мы с ней не справляемся и единственный выход видим в том, чтобы он был ответственным, волевым, делающим всё, как надо, за нас.

Медленно, капля за каплей закладываем мы в детей представление о нас как об опасных, не умеющих сдерживать себя слабаках - и при этом требуем к себе уважения как к родителям.

Дети редко видят нас в социуме, они не знают, что мы умеем сдерживаться и не бьём своего начальника, милиционера, людей на улице, если они ведут себя не так, как нам бы хотелось. Их опыт общения с нами семейный, а в семье несдержанность даже пропагандируется: «Отец был горячий, чуть что – врзал, и ничего, я вырос (предполагается, что единственный критерий правильного воспитания – оставить в живых!), твоя бабушка нас в ежовых рукавицах держала, и веником, и ремнем чуть что, боялись ужасно и ничего, школу закончили, в институт поступили, наверное правильно (логика: если бы не тряслись от страха, ничего бы в жизни не добились!). Часто семья, привыкшая решать свои проблемы, сбрасывая на ребенка накопившуюся в других отношениях агрессию через побои, оскорбления, крики, делегирует право так же обращаться со сво-

Современный родитель часто не имеет опыта питающей и поддерживающей любви в своем детском опыте, не очень любит себя ребенком, а чаще осуждает за причиненные взрослым неудобства (болел, не так себя вел, не так учился, не вовремя родился).

им ребенком другим людям. Например, что означают слова отца, обращенные к учительнице «Вы с ним поостроже, он слов не понимает»? Разрешение давить на ребенка, кричать, когда и она, и ребенок знают, что семья оставила его без защиты.

Воспитывая жертву

Внутри себя любой родитель хотел бы вырастить сильного, успешного, уверенного в себе человека. Может ли стать таким человек, которому без сожаления причиняют боль те, кто должен его любить и защищать, а часто еще и перебрасывают ответственность: «Я никогда ни с кем так себя не вел, я не такой человек, это ты своим поведением ужасным довел меня до того, что я себя не помню»? Родители часто так говорят, и смысл такой: виноват не тот, кто бьет (палач), а тот, кого бьют (жертва). Вел бы себя по-другому – и палач оставался бы хорошим человеком!

Часто эту идею поддерживают СМИ и организации, связанные с детьми: дети сейчас ужасны, жестоки, у них нет ценностей, с ними невозможно поладить. Надо ужесточать, следить, давить, иначе не справимся. Я не беру крайние формы: стрелять, сажать, всех в армию – и гонять. Возникает ощущение, что взрослый мир категорически не хочет быть взрос-

лым и обижается, что дети не хотят играть с ним в поддавки: «мы хорошие дети сами по себе, значит – ты хороший взрослый», а требуют усилий, воли, понимания происходящего и осознанности действий.

Если говорить серьезно, то проблема жестокости и бесчувствия родителей по отношению к собственным детям (это и есть насилие в семье) – прежде всего проблема беспомощности перед ответственностью за живого, растущего и любимого маленького человека. В стране, прошедшей очень тяжелый путь, на котором насилие и жестокость часто становились нормой (войны, террор, голод), любить детей и гордиться ими, наслаждаться даже их ошибками, было слишком большой роскошью – вырастить бы.

Тяжелые времена переворачивают правильную модель взаимодействия в семье: родители рожают детей и растят их для того, чтобы детям было хорошо в их собственной жизни, и они могли так же вырастить своих детей. Тогда жизнь развивается и становится богаче. Перевернутая модель: дети должны жить так, чтобы родителям было хорошо и спокойно. Но ни один ребенок на свете не способен сделать спокойными и счастливыми своих взрослых родителей. Их жизнь всегда только в их руках.

Зачем мы это делаем?

И в тот момент, когда так хочется ударить, заорать на ребенка, потому что плохо тебе, родитель должен задать себе вопрос: а для чего я сейчас это делаю, как это скажется на том, кого я рашу?

А если уж сорвался, не сдержался, скажи ребенку правду о том, что тебе стыдно быть несдержанным, что ты не прав, когда бьешь и кричишь, но его поведение все равно было неверным и так нельзя.

У ребенка появится возможность уважать Вас как человека, пытающегося сдерживаться, сильного (может извиниться только сильный, уверенный в себе, слабый до последнего пугает, чтобы боялись – объясняйте это детям).

Главное, у вашего ребенка снизится уровень страха перед вами и вашей агрессией и появится возможность осознать свое поведение.

В семье, где много агрессии и напряжения между родителями, бабушками и дедушками, дети иногда не выдерживают, оттягивают агрессию на себя, делают что-то, чтобы взрослый сорвался, выпустил накопившееся.

Дети подсознательно, а иногда и осознанно боятся копящейся во взрослых агрессии и «идут на опережение».

Мы все были детьми и, если вспомнить, не были мы так уж ужасны и непредсказуемы, хотя нашим родителям было не всегда легко с нами. Таковы и наши сегодняшние дети. Просто они очень нуждаются в нас, взрослых. И было бы очень здорово, если бы мы перестали мучить друг друга, а прикладывали бы силы к восстановлению жизненного равновесия в замечательной паре ВЗРОСЛЫЙ – РЕБЕНОК.

реклама